

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47).084.5/6

ГЕРОИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ ¹

А. И. Савин

СО РАН, Институт истории,
г. Новосибирск, Россия

DOI: 10.26456/vthistory/2020.3.093

Автор показывает, как большевики трансформировали в 1910-е – 1930-е гг. положение марксизма, согласно которому единственно важными акторами и героями истории являются народные массы. В период Гражданской войны большевики частично пересмотрели марксистские взгляды на роль героической личности в истории и начали процесс постепенной индивидуализации героев, первой формой которой стало формирование культа павших героев. Курс на индивидуализацию советских героев в годы Гражданской войны нашёл своё развитие в создании первых институциональных героев – кавалеров ордена Красного Знамени. Период нэпа знаменовался релятивацией концепта индивидуального героизма, и на роль героев в полном соответствии с марксистской догмой предлагались целые рабочие коллективы. В середине 1930-х гг. произошёл окончательный переход от догматической марксистской трактовки героизма к новаторскому для большевиков пониманию ключевой роли отдельных героев. По мнению автора, это было обусловлено необходимостью появления героев, персонально олицетворяющих социалистическое строительство и являющихся необходимыми примерами для выработки советской идентичности.

Ключевые слова: героизм, идеология, марксизм, героические массы, герой-индивид, Советский Союз, Сталин.

В апреле 1939 г. Советский Союз принял участие в Нью-Йоркской Всемирной выставке, проходившей под девизом «Мир будущего». Внутри советского павильона посетителей встречало огромное панно «Знатные люди

¹ Основные положения статьи были представлены в качестве доклада на Всероссийском симпозиуме «Идеология: ревitalизация концепта в исторических исследованиях», состоявшегося 20–21 августа 2020 г. под эгидой Южного Федерального университета, Томского государственного университета и Института Истории Сибирского отделения РАН.

Страны Советов». На коллективном портрете художник изобразил шестьдесят человек, являвшихся гордостью СССР. Если интерпретировать основной посыл, обращенный к посетителям павильона СССР, то расшифровывался он достаточно просто: революция создала невиданные возможности для расцвета личности в СССР. Новый советский человек является, в первую очередь, человеком героическим, а Советский Союз превратился в страну героев, хозяев своей судьбы, которым по плечу любые подвиги и свершения.

Этот идеологический концепт советского героизма воспринимался как нечто само собой разумеющееся несколькими поколениями советских людей. На самом же деле героизация советской повседневности и создание пантеона советских героев являлись специфическим явлением, которому было свойственно множество уникальных аспектов. Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы проследить генезис советского героизма в 1920-е – 1930-е гг. Это интереснейший процесс, настоящая модель, которая показывает, как большевики, в первую очередь И.В. Сталин, трансформировали и перерабатывали одно из ключевых положений марксизма, вплоть до выработки идеологического концепта, прямо ему противоречившего.

24 апреля 1924 г. Николай Мендельсон, один из остро рефлексирующих российских интеллигентов, описал в дневнике впечатления от похорон В.И. Ленина. В частности, он отметил: «Слушал Луначарского. Бледно. Изболтался. Размахнулся, было, насчет марксистского понимания роли “великих людей”, но своевременно поперхнулся и смазал»². В этом наблюдении заключается ключ к пониманию всей специфики политики «делания героев» в Советской России – Советском Союзе в конце 1910-х – 1920-е гг. Нарком просвещения РСФСР не зря «своевременно поперхнулся и смазал» свою попытку характеризовать Ленина как великого человека и героя: марксизм, с его абсолютизацией народных масс и классов как единственно важных акторов истории, был категорически антигероичен.

Большевики были марксистами, а для К. Маркса и Ф. Энгельса герои являлись в первую очередь выражением идеалистического понимания роли личности в истории. Мысль о том, что ход истории определяется как идеями и волей, так добродетелями и пороками отдельных людей, была для отцов-основателей марксизма глубоко чуждой и антинаучной. Возвеличивание отдельной личности как главного субъекта истории воспринималось ими как уничтожение, а то и полное затушевание объективной роли социальных групп и классов. В лучшем случае основоположники признавали за отдельной личностью способность чутко воспринимать и адекватно выражать потребности целых слоев общества, что позволяло так называемым «великим людям» оказаться на гребне народной волны в ходе социальных и политиче-

² Мендельсон Н.М. Дневник (Избранное. Февраль 1917 – апрель 1228 г.) // URL: https://rusoir.ru/president/president-works/president-works-237/#_edn1 (дата обращения: 12.04.2020).

Mendel'son N.M., *Dnevnik (Izbrannoe. Fevral' 1917 – april' 1228 g.)*, URL: https://rusoir.ru/president/president-works/president-works-237/#_edn1 (data ob-rashcheniya: 12.04.2020)

ских катаклизмов. Любые действия героев и демиургов были для марксизма закованы в железные цепи объективной необходимости. Только в том случае, если личность служила рупором выражения назревших потребностей и чаяний передового класса общества, ее роль была позитивной и революционной, в противном случае – негативной и реакционной.

Для дореволюционной российской социал-демократии вопрос о роли героической личности в истории был не только догматическим вопросом марксистской теории, но и вопросом политической практики, определявшим степень размежевания с главным конкурентом в революционном лагере – партией социалистов-революционеров. Как известно, именно с опорой на ведущую роль личности в истории эсеры обосновывали свою террористическую деятельность в отношении видных представителей функциональных элит Российской империи. С точно таким же пылом, с каким эсеры проповедовали индивидуальный революционный террор, социал-демократы, ссылаясь на Маркса, указывали на бессмысленность физического устранения отдельных представителей царской бюрократии.

Вождь радикального крыла российской социал-демократии в вопросе о героях был правоверным марксистом. В некрологе, вышедшем в свет в 1910 г. и посвященном памяти профессионального революционера И.В. Бабушкина, расстрелянного в 1906 г., Ленин дал следующее определение подлинных «народных героев». «Это, – писал Ленин, – люди, подобные Бабушкину. Это – люди, которые не год и не два, а целые 10 лет перед революцией посвятили себя целиком борьбе за освобождение рабочего класса. Это – люди, которые не растратили себя на бесполезные террористические предприятия одиночек, а действовали упорно, неуклонно среди пролетарских масс, помогая развитию их сознания, их организации, их революционной самодеятельности. Это – люди, которые встали во главе вооруженной массовой борьбы против царского самодержавия, когда кризис наступил, когда революция разразилась, когда миллионы и миллионы пришли в движение. Всё, что отвоёвано было у царского самодержавия, отвоёвано исключительно борьбой масс, руководимых такими людьми, как Бабушкин. Без таких людей русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми народ завоеует себе полное освобождение от всякой эксплуатации»³.

Придя к власти в 1917 г., большевики не изменили своей трактовки героя. Если речь заходила о героизме, то героизм мог быть только массовым, а подлинным героем – только народная масса. Этому способствовало утопическое стремление ко всеобщему равенству, как к одному из основных принципов жизни нового общества. В результате советский героизм зарождался как отрицание традиционного для мировой истории индивидуального героизма. Именно в годы Гражданской войны была заложена со-

³ Ленин В.И. Иван Васильевич Бабушкин (некролог) // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 20. С. 79–83.

Lenin V.I., Ivan Vasil'evich Babushkin (nekrolog), Polnoe sobranie sochinenij, 5-e izd., T. 20, S. 79–83.

ветская традиция: награждать за подвиги коллективы трудящихся и воинские подразделения, а не единичных героев. Первым коллективом, который был «в целом награждён» орденом Красного Знамени за участие в боях против Юденича в 1919 г., стал коллектив бронепоезда Троцкого. Как писал позднее Троцкий, «гораздо большее удовлетворение доставило мне коллективное награждение орденом Красного Знамени моего поезда в целом»⁴. После этого 5 декабря 1919 г. решением VII Всероссийского съезда Советов Почётным революционным Красным Знаменем был награждён г. Петроград, 8 октября 1920 г. такую же награду получил г. Оренбург. В 1922 г. последовало награждение орденом Красного Знамени Особого отдела ГПУ. В соответствии с постановлением Президиума ВЦИК от 26 февраля 1924 г. орденом Красного Знамени наградили грозненский пролетариат, 14 апреля 1924 г. были награждены рабочие городов Луганска, Царицына и Ташкента. В 1925 г. боевого ордена удостоились Челябинские угольные копи и Главные ростовские железнодорожные мастерские.

Почитание пролетариата и беднейшего крестьянства в качестве массового героя революции, возможно, легко давалось большевистским теоретикам, но для успешного ведения вооруженной борьбы большевикам так или иначе были нужны герои, с которыми могли бы себя идентифицировать и на которых могли бы равняться их сторонники. Безликие коллективы плохо подходили на роль образцов подражания. Поэтому, несмотря на марксизм и эгалитаризм, практически сразу же после революции началась постепенная индивидуализация героев, первой формой которой стало формирование культа павших героев.

«Не жертвы – герои лежат под этой могилой. Не горе, а зависть рождает судьба ваша в сердцах всех благодарных потомков. В красные страшные дни славно вы жили и умирали прекрасно». Так гласила одна из восьми эпитафий, сочиненных А.В. Луначарским специально для «Памятника борцам революции», установленного на Марсовом поле в Петрограде в ноябре 1919 г. Метафоры, использованные Луначарским в этих строках, написанных античным «героическим» гекзаметром, метафоры жертвы, которая была принесена революционными героями ради счастья и благополучия всего народа, адекватно отражают парадигму почитания «павших героев».

Ритуалы «красных похорон» сложились задолго до революции 1917 г., тогда же революционеры хорошо осознали и научились использовать пропагандистский эффект такого рода массовых публичных мероприятий (Катерине Мерридалль считает, что традиция «красных похорон» зародилась в результате похорон Н.А. Некрасова в 1877 г. и Н.В. Шелгунова в 1891 г.⁵). Примером мощного воздействия «красных похорон» на общество стали публичные похороны 20 октября 1905 г. большевика Н.Э. Баумана, превратившегося в ре-

⁴ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 1991. С. 413.

Trockij L.D., *Moya zhizn'*, М., 1991, S. 413.

⁵ Merridale C. *Steinerne Nächte. Leiden und Sterben in Russland*. München, 2001. S. 119.

зультате в главного героя-мученика Революции 1905 года⁶. Грандиозная похоронная процессия часами блокировала главные улицы Москвы, по которым прошли десятки тысяч человек. Борис Пастернак так напишет об этом позднее в своей поэме «Девятьсот пятый год»: «Бауман! / Траурным маршем / Ряды колыхавшее имя! / Шагом, / Кланяясь флагом, / Над полной голов мостовой / Волочились балконы, / По мере того / Как под ними / Шло без шапок: / «Вы жертвою пали / В борьбе роковой». Очевидец событий, брат поэта Александр Пастернак, на чьи воспоминания возможно опирался Борис, оставил подробное описание похорон Баумана, заявив, что «никогда более не видел ничего, что могло бы быть подобным этому шествию»⁷.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что индивидуальный героический культ стал формироваться в Советской России в годы революции и гражданской войны в первую очередь именно как культ «павших героев», а их смерть, более чем когда-либо, стала политическим событием. 22 марта 1917 г. на Марсовом поле в Петрограде в украшенных красных гробах, при огромном стечении народа, были торжественно погребены 180 «жертв Февраля», кровь которых должна была освятить новую демократическую Россию⁸. В октябре 1917 г. большевики по аналогичному образцу организовали торжественные похороны у Кремлевской стены 238 жертв десятидневных боев в Москве. Катерине Мерридаль отмечает символический характер этих похорон: «Кремлевская стена... была мирским местом, символом русского государства, таким образом, эти мертвые тела были похоронены в политическом центре новой власти». В похоронах снова участвовали тысячи людей, но на это раз, отмечает Мерридаль, это была церемония нового типа: организаторы раздавали входные билеты, присутствовали уполномоченные от других областей, присутствовала пресса, а речи произносились прежде всего о социализме, международном пролетариате и задачах революции⁹.

«Герой-мученик», «герой-жертва»: именно в таком воплощении индивидуальный «герой» преимущественно присутствовал в советском дискурсе в первые годы советской власти. Например, в торжественной речи Ф.Э. Дзержинского, посвящённой пятилетию ВЧК, говорилось: «ВЧК гордится своими героями и мучениками, погибшими в борьбе»¹⁰. В это же время среди большевиков зарождается, как отмечают исследователи, концепт «красивой», «осмысленной» смерти¹¹, который оказался весьма дол-

⁶ Merridale C. Op. cit., S. 116.

⁷ Пастернак А.Л. Воспоминания. München, 1983. С. 159.

Pasternak A.L., *Vospominaniya*, München, 1983, S. 159.

⁸ Merridale C. Op. cit., S. 133–134.

⁹ Ibid, S. 135–136.

¹⁰ 20 лет ВЧК–ОГПУ–НКВД. М., 1938. С. 23.

20 let VCHK–OGPU–NKVD, M., 1938, S. 23.

¹¹ Мальшева С.Ю. «Хорошая смерть» в некрологическом дискурсе первых советских десятилетий // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований / под ред. Л.Н. Мазур. Екатеринбург, 2017. С. 103–110.

говечным. Бывший командир 25-й Чапаевской дивизии И.С. Кутяков так охарактеризовал в ноябре 1934 г. смерть своего предшественника: «И Чапаев прекрасно умер. Они [режиссеры] дали смерть Чапаева, он бросается в реку – это исторически верно. Прекрасен боец, который сопротивляется до последнего патрона и не сдаётся»¹². При этом, как отмечает Светлана Малышева, большевики успешно использовали ими же дезавуированный культ павших героев Первой мировой войны, используя его в трансформированном виде для создания культа почитания «красных героев» и «солдат революции», места погребения которых стали в 1920-е гг. главным местом отправления советских ритуалов¹³.

Однако на пути формирования культа «героя-мучеников» серьёзной преградой стало нежелание большевиков превращать павших героев в «красные иконы». В результате культ «героев-жертв» развивался в достаточно жёстких границах, о чём также свидетельствует относительно скромная мемориализация главного героя революции и «вождя мирового пролетариата» Владимира Ленина.

Курс на индивидуализацию советских героев в годы Гражданской войны нашёл своё логичное развитие в появлении целого отряда здравствующих «официальных» (институциональных) героев. Государственные наградные системы и символические награды в виде орденов и медалей во всех странах традиционно служат цели формирования института официально признанных и почитаемых героев, а также их визуальной репрезентации. Ожесточённая борьба на фронтах Гражданской войны настоятельно требовала от большевиков появления в рядах сражающихся живых героев, чьи героические подвиги были бы подтверждены государством фактом награждения.

На введение первой революционной награды – ордена Красного Знамени в сентябре 1918 г. – большевики решились далеко не сразу. В первую очередь их останавливало нежелание быть заподозренными в восстановлении старых «царских» порядков. Л.Д. Троцкий позднее писал в своей литературной автобиографии: «На введение революционного ордена я решился не без колебаний: ещё только недавно мы успели отменить ордена старого режима. Вводя орден, я имел ввиду дополнительный стимул для тех, для кого было недостаточно внутреннего сознания революционного долга. Ленин поддержал меня. Орден привился. Его давали, по крайней мере в те годы, за

Malysheva S.Yu., «Horoshaya smert'» v nekrologicheskom diskurse pervyh sovetskih desyatiletij, Epoha socialisticheskoj rekonstrukcii: idei, mify i programmy social'nyh preobrazovanij, pod red. L.N. Mazur, Ekaterinburg, 2017, S. 103–110.

¹² Гончаренко А.А., Московская Д.С. Стенограмма обсуждения фильма «Чапаев» во Всероссийском драме // Историография Гражданской войны в России. Исследования и публикации архивных материалов / под. ред. Д.С. Московской. М., 2018. С. 190.

Goncharenko A.A., Moskovskaya D.S., *Stenogramma obsuzhdeniya fil'ma «Chapaev» vo Vserosskomdrame*, Istoriografiya Grazhdanskoj vojny v Rossii. Issledovaniya i publikacii arhivnyh materialov, pod. red. D.S. Moskovskoj, M., 2018, S. 190.

¹³ Malysheva S. Helden oder Blutopfer: Der Umgang der Zeitgenossen mit den Gefallenen des Ersten Weltkriegs in Russland // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge. Bd. 63. H. 4. S. 599–618.

непосредственные боевые заслуги под огнём»¹⁴. В мае 1920 г. Троцкому пришлось решить ещё одну моральную дилемму, а именно допустимы ли повторные личные награждения орденом Красного Знамени за военные подвиги. Именно ему Политбюро ЦК РКП(б) предоставило право, в одиночку принять решение по данному вопросу¹⁵. Судя по тому, что к концу Гражданской войны появились десятки лиц, награждённых орденом Красного Знамени дважды, трижды и несколько человек – даже четырежды, именно Троцкий благословил появление на свет советских «мультигероев».

В 1935 г. Троцкий откровенно признал, что если ордену предназначалась роль дополнительного стимула, то основным стимулом должен был выступить террор: «Когда я в первый раз собирался на фронт между падением Симбирска и Казани, Ленин был мрачно настроен. “Русский человек добр”, “Русский человек рохля, тютя...”, “У нас каша, а не диктатура...” Я говорил ему: “В основу частей положить крепкие революционные ядра, которые поддержат железную дисциплину изнутри; создать надежные заградительные отряды, которые будут действовать извне заодно с внутренним революционным ядром частей, не останавливаясь перед расстрелом бегущих; обеспечить компетентное командование, поставив над сцепом комиссара с револьвером; учредить военно-революц[ионные] трибуналы и орден за личное мужество в бою»¹⁶. Впрочем, о трактовке ордена Красного Знамени как дополнительного стимула для малосознательных бойцов и командиров похоже быстро забыли все, кроме самого Троцкого. Когда в ноябре 1919 г. ВЦИК принял решение о награждении Троцкого, тот решил тем не менее «подчиниться условности», чтобы не дисквалифицировать «знака отличия, который сам я столько раз раздавал» и принял орден.

Всего за период 1918–1923 гг. орденом Красного Знамени было награждено 14 639 человек¹⁷. Однако эта индивидуализация героя была весьма относительной. Во-первых, численность первых советских институциональных героев была крайне невелика в сравнении с многомиллионными массами, принимавшими участие в Гражданской войне на стороне большевиков. На осень 1920 г. численность РККА достигала около 5,5 млн человек. По самым грубым подсчётам, доля награждённых составляла все-

¹⁴ Троцкий Д.Д. Указ. соч. С. 412–413.

Trockij D.D., *Op. cit.*, S. 412–413.

¹⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 79. Л. 3.

Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI), F. 17, Op. 3, D. 79, L. 3.

¹⁶ Троцкий Л.Д. Дневники и письма // URL: <https://prozhitto.org/notes?date=%221935-01-01%22&diaries=%5B523%5D> (дата обращения: 15.04.2020)

Trockij L.D., *Dnevnik i pis'ma*, URL: <https://prozhitto.org/notes?date=%221935-01-01%22&diaries=%5B523%5D> (data obrashcheniya: 15.04.2020).

¹⁷ Данные о количестве награждений орденами и медалями СССР за период 1918–1964 гг. // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1998. № 3. С. 132–157.

Dannye o kolichestve nagrazhdenij ordenami i medalyami SSSR za period 1918–1964 gg., Vestnik Arhiva Prezidenta Rossijskoj Federacii, 1998, № 3, S. 132–157.

го около 0,2 % от этого числа. Во-вторых, ценность награждения символическим орденом, следовательно, вхождение в плеяду официальных героев, зачастую должным образом не ценили не только бойцы и командиры Красной армии, но и верховное командование. И те, и другие нередко предпочитали награждать и получать награды в виде материальных ценностей: часов, одежды, именного оружия и т. п. Даже после того, как ордена перестали быть в дефиците, награждение в виде подарков оставалось скорее правилом, чем исключением. Осознание значимости персональной символической награды пришло к ветеранам Гражданской войны гораздо позднее, когда постреволюционное общество стало выстраивать свои иерархии. В-третьих, работа пропагандистской машины большевиков не была направлена на формирование культов индивидуальных героев. Например, в знаменитых «Окнах РОСТА» герои не имели ни лица, ни имени, только набор устойчивых примет – у красноармейца всегда штык, у буржуя – всегда пузо, главное действие – воткнуть штык в пузо буржуя¹⁸.

Определённым героическим культом на конец Гражданской войны могли похвастать лишь немногие из военачальников, в первую очередь Л.Д. Троцкий, С.М. Будённый, К.Е. Ворошилов, М.В. Фрунзе и Г.И. Котовский. Николаус Катцер считает, что главным героем Гражданской войны был вооружённый всадник, красный казак, который полнее всего воплотился в образе С.М. Будённого. «Мужественные подвиги отдельных героев, особенно если они при этом гордо восседали в седлах, были способны, благодаря тиражированию их образов в газетах, на плакатах, листовках и т. п., затмить собой чудовищные людские потери. Это справедливо и по отношению к Будённому. Как исторический актер, он, возможно, мог быть заменён кем-то другим, но в качестве образца советского казака он был уникален. В этой своей ипостаси Будённый стал символом, примером отваги и безусловной лояльности», – утверждает Катцер¹⁹.

Период новой экономической политики можно расценивать как постгероическую эпоху, время отступления большевиков и восстановления экономики, не испытывавшее особой потребности в героизме и героях. В полном соответствии с духом постгероического нэпа, на основании постановления Президиума ЦИК СССР от 26 сентября 1924 г., которое дублировало соответствующий приказ Реввоенсовета СССР, были прекращены представления к награждению орденом Красного Знамени за подвиги, совершённые в период до 1 января 1923 г. Руководствуясь этим постановле-

¹⁸ Быков Д. Маяковский: Трагедия-буфф в шести действиях. М., 2016. С. 293.

Bykov D., *Majakovskij: Tragediya-buff v shesti dejstviyah*, M., 2016, S. 293.

¹⁹ Катцер Н. Лошади и всадники: о животных и людях в «войне машин» XX века // Личность, общество, власть в истории России: сб. науч. ст., посвящённый 70-летию д-ра ист. наук, проф В.И. Шишкина / отв. редакторы В.М. Рынков, А.И. Савин. Новосибирск, 2018. С. 143.

Katcer N., *Loshadi i vsadniki: o zhivotnyh i lyudyah v «vojne mashin» XX veka, Lichnost', obshchestvo, vlast' v istorii Rossii, sbornik nauchnyh statej, posvyashchyonnyj 70-letiyu d-ra ist. nauk, prof V.I. Shishkina, otv. redaktory V.M. Rynkov, A.I. Savin*, Novosibirsk, 2018, S. 143

нием, Президиумы ВЦИК и ЦИК СССР регулярно отклоняли во второй половине 1920-х гг. и даже в начале 1930-х гг., ходатайства отдельных лиц и органов власти о награждении бывших участников Гражданской войны, невзирая на то, что в числе представляемых к наградам нередко оказывались руководители партии и советского государства. Две юбилейные наградные кампании – к 10-летию Октябрьской революции и к 10-летию РККА, – в ходе которых всё же производились награждения орденом Красного Знамени ограниченного круга лиц, не могли кардинальным образом изменить ситуацию в сфере героизации общества.

Нэповская дегероизация привела к релятивации концепта индивидуального героизма. В 1920-е гг. вновь стали доминировать эгалитарные настроения против героизации отдельных персон, на роль героев в полном соответствии с марксистской догмой опять предлагались целые рабочие коллективы. Владимир Маяковский так писал об этом в 1926 г.: «Героика – это литературный прием, при помощи которого одному человеку (герою) приписывается сумма деяний (подвигов), являющихся в действительности результатом работы целого ряда людей»²⁰. Насколько мало внимания большевики уделяли героизации в годы нэпа, свидетельствует судьба ордена Трудового Красного Знамени РСФСР. За апрель 1921 – март 1928 гг. этим орденом были награждены всего лишь 34 коллектива и 90 человек²¹. В результате этот полузабытый орден фактически был учрежден заново в сентябре 1928 г., на сломе нэпа, уже как орден СССР. Определенная героизация социума достигалась за счет переименований (наименований) географических и прочих объектов в честь павших и здравствующих советских вождей, однако в целом масштабы героизации социума к началу сталинской «революции сверху» были достаточно скромными. Рядовой гражданин страны Советов как правило трезво расценивал свои шансы стать вторым Троцким или Фрунзе, следовательно, мог с трудом идентифицировать себя с вождями-героями.

Сталинская революция сверху с особой остротой поставила для власти вопрос о действенных внеэкономических механизмах мобилизации социума. Большевики не испытывали недостатка опыта репрессивного принуждения к труду. Теперь им оставалось научиться умело задействовать моральные стимулы, самым действенным из которых является героический культ отдельных личностей. Однако советская агитационно-пропагандистская машина отнюдь не спешила перестраивать свою деятельность и менять приоритеты.

В годы первой пятилетки в большевистской идеологии по-прежнему доминировала линия, согласно которой главными героями являются трудовые коллективы и воинские подразделения. Даже в ходе чествования «пер-

²⁰ Быков Д. Указ. соч. С. 145.

Вуков Д., *Op. cit.*, S. 145.

²¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 136. Д. 10. Л. 1.

State Archive of Russian Federation (GARF), F, 1235, Op. 136, D. 10, L. 1.

венцев» сталинской индустриализации персонально награждался орденами крайне узкий круг лиц, зато высокая награда символически вручалась всему коллективу.

В этой связи весьма показательна история награждения участников одной из самых знаменитых строек первой пятилетки – Туркестано-Сибирской железной дороги (Турксиб). Она красочно описана в знаменитом «плутовском» романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок». Начальником строительства Турксиба был легендарный большевик В.С. Шатов, секретарем Казахстанского крайкома ВКП(б) – Ф.И. Голощекин. Именно они были персонально награждены орденами Трудового Красного Знамени РСФСР. Кроме них, ордена получили всего лишь восемь человек из числа участников грандиозного строительства. Всем остальным было объявлено, что рабочий коллектив награждён орденом Трудового Красного Знамени²². Аналогичным образом власть повела себя в случае с чествованием строителей Сталинградского тракторного завода, которым 30 апреля 1930 г. было объявлено о награждении орденом Трудового Красного Знамени за досрочное окончание строительства. Далее «коллективный» орден был передан на хранение в заводоуправление, которое присвоило орден себе и отказывалось возвратить его коллективу строителей²³. В военной сфере также доминировали коллективные награждения. Так, 1 января 1930 г. советские газеты опубликовали приказ РВС о награждении орденом Красного Знамени Отдельной Дальневосточной армии за подвиги, совершённые во время вооруженного конфликта на КВЖД.

Ещё одним заслоном на пути трансформации массового героя в героя-индивида являлась, кроме марксистской догмы, сила инерции пуританской наградной практики, сформировавшейся в период нэпа. В соответствии с ней были отменены или сведены к минимуму все награждения за подвиги в годы революции и Гражданской войны, а также награждения в связи с первыми советскими юбилеями. В результате «наградные» инициативы местных властей, как правило, не получали в начале 1930-х гг. поддержку центра, даже если в числе потенциальных награждаемых присутствовали лица из высшего эшелона советских элит.

В тоже время для части сталинского руководства становилась всё более очевидной необходимость появления героев, персонально олицетворяющих социалистическое строительство и являющихся крайне необходимыми примерами для подражания и выработки советской идентичности²⁴. Понимание необходимости «делания» героев-индивидов привело к расширению советской наградной системы. В апреле 1930 г. были учреждены два

²² ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 136. Д. 40. Л. 111.

GARF, F. 1235, Op. 136, D. 40, L. 111.

²³ Там же. Д. 41. Л. 1–2.

Ibid, D. 41, L. 1–2.

²⁴ *Бранденбергер Д.* Кризис сталинского агитпропа. Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М., 2017. С. 76.

Brandenberger D., *Krizis stalinskogo agitpropa. Propagandna, politprosveshchenie i terror v SSSR, 1927–1941*, M., 2017, S. 76.

новых ордена – Ленина и Красной Звезды. Здесь весьма показательным является затянутость процесса во времени: предложение о введении новых наград было инициировано И.С. Уншлихтом и К.Е. Ворошиловым ещё в августе 1927 г., но вопрос не был актуальным для «дегероического» нэпа, и учреждение орденов растянулось на 2,5 года. В марте 1931 г. в интересах прославления индивидуальных «героев труда», награжденных орденами СССР, в газете «Правда» стартовала пропагандистская кампания под лозунгом «Страна должна знать своих героев». Первая публикация такого рода была предпринята в «Правде» 6 марта 1931 г. Газета разместила редакционную статью «Лучшие из лучших», в которой речь шла о награждении 15 передовиков производства, а также их «паспортные» фотографии. Какое впечатление эта газетная кампания производила на современников, хорошо показывает дневниковая запись советского историка С.А. Пионтковского от 4 июля 1931 г.: «Черт его знает, удивительные странности. Социализм строим, улицы мостим, а вот построить жизнь таким образом, чтобы не только массы, но и отдельные индивидуумы нашли себе место на работе, как-то не выходит. Или, может быть, не выходит это для нас, потомков старых поколений, буржуазных индивидуалистов. А на рабочих волной льют ордена Ленина, а ты, как не работай, все равно тебя проработают»²⁵.

Тем не менее, несмотря на очевидный тренд в направлении «персонализации» героизма, в начале 1930-х гг. по-прежнему доминировала дуальность трактовки советского героизма и советского героя с заметным креном в сторону массового героя. А.М. Горький, претендовавший на роль главного идеолога концепта «нового советского человека», писал из Сорренто 14 ноября 1931 г. Р.П. Эйдеману, соратнику по работе над «Историей гражданской войны»: «... наша история требует строгого, классового объективизма, наш герой класс, а не единица, излюбленный герой беллетриста»²⁶. Несмотря на очевидный тренд индивидуализации советского героя, большевистские идеологи по-прежнему боялись отрыва советского героя от массы. Как заявлял в 1932 г. один из них, «встаёт огромная опасность сделать его героем-одиночкой, героической личностью, не связанным с массами. Наш коллективный герой – масса»²⁷.

²⁵ Дневник историка С.А. Пионтковского (1927–1934) / под ред. А.Л. Литвина. Казань, 2009. С. 433–434.

Dnevnik istorika S.A. Piontkovskogo (1927–1934), pod red. A.L. Litvina, Kazan', 2009, S. 433–434.

²⁶ Горький А.М. Полное (академическое) собрание сочинений. Письма в 24 томах. М., 2018. Т. 20. С. 359.

Gor'kij A.M., Polnoe (akademicheskoe) sobranie sochinenij. Pis'ma v 24 tomah, M., 2018, T. 20, S. 359.

²⁷ Закружная З.С., Московская Д.С. К вопросу о показе героя гражданской войны. Стенограмма доклада Л.М. Субоцкого на втором расширенном пленуме ЛОКАФ // Историография Гражданской войны в России. Исследования и публикации архивных материалов / под ред. Д.С. Московской. М., 2018. С. 170.

Zakruzhnaya Z.S., Moskovskaya D.S., K voprosu o pokaze geroya grazhdanskoj vojny. Stenogramma doklada L.M. Subockogo na vtorom rasshirennom plenumе LOKAF, Istorio-

Ключевую роль в смене парадигмы массового героизма на персональный и доминировании индивидуальных героев над коллективами сыграла позиция Сталина, направленная на реабилитацию исторической личности и её роль в истории, что зримо проявилось в изменении преподавания истории в школах и вузах. Все начало 1930-х гг. именитые партийные историки писали разнообразные варианты учебников истории (в том числе истории РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б)), которые Сталин один за другим подвергал резкой критике. Историки-марксисты долго и совершенно искренне не могли понять, чего же от них хочет вождь. Девид Бранденбергер, которому принадлежит приоритет в исследовании генезиса культа героев-индивидов в СССР в 1930-е гг., объясняет это тем, что «всякого рода ярославские, кнорины, волины и ингуловы слишком медленно переходили от абстрактного схематизма 1920-х гг. к конкретной, полной жизни структуре повествования начала 1930-х гг.... Если не принимать во внимание их энтузиазм по поводу культа личности И.В. Сталина, они неохотно соглашались с новым акцентом на индивидуальном героизме, появившимся примерно тогда же»²⁸.

На самом деле Сталин хотел от них достаточно простой вещи: требовалось отказаться от обезличенных социологических схем и вернуть на страницы учебников людей, реабилитировать историческую личность и её роль в истории. «Красный профессор» С.А. Пионтковский зафиксировал в дневнике, как 20 марта 1934 г. происходило общение Сталина с группой историков: «Сталин говорил очень тихо. [...] Что говорит, это такое «эпоха феодализма», «эпоха промышленного капитализма», «эпоха формаций» – всё эпохи и нет фактов, нет событий, нет людей, нет конкретных сведений, ни имен, ни названий, ни самого содержания. Это никуда не годится. Нам, сказал Сталин, нужны другие учебники, с фактами и событиями и именами»²⁹.

Переход от догматической марксистской трактовки героизма к новаторскому для большевиков пониманию ключевой роли отдельных героев был растянут во времени, поэтому, как это часто бывает в истории, трудно установить какую-то цезуру. Зато можно наметить определённые точки перехода. Одной из них стало прославление в 1932 г. на страницах советской прессы Н.А. Изотова, забойщика угольной шахты № 1 «Кочегарка» (Горловка Донецкой области), который по сути предвосхитил стахановский рекорд, добившись в мае 1932 г. выполнения плана угледобычи на 558 %, а в июне 1932 – на 2000 %, вырубив 607 тонн угля за 6 часов. 11 мая 1932 г. «Правда» опубликовала его выступление, среди рабочих по всей стране стало разворачиваться «изотовское движение». Однако Изотову было не суждено дать своё имя массовому движению трудящихся. По иронии судьбы, он поставил

grafiya Grazhdanskoj vojny v Rossii. Issledovaniya i publikacii arhivnyh materialov, pod red. D.S. Moskovskoj, M., 2018, S. 170.

²⁸ Бранденбергер Д. Указ. соч. С. 74.

Brandenberger D., *Op. cit.*, S. 74.

²⁹ Дневник историка С.А. Пионтковского. С. 506.

Dnevnik istorika S.A. Piontkovskogo (1927–1934), S. 506.

свои рекорды слишком рано, новая парадигма прославления отдельных героев ещё только набирала силу. Показательно, что свою первую награду – орден Ленина – Изотов получил сравнительно поздно – в августе 1935 г.

Следующими важнейшими цезурами стала кампания по спасению челюскинцев весной 1934 г., введение звания Героя Советского Союза 14 апреля 1934 г., Первый съезд советских писателей в августе 1934 г., выход на экраны СССР фильма «Чапаев» осенью 1934 г. и всесоюзное чествование Алексея Стаханова после рекорда, установленного им 31 августа 1935 г. Во всех этих случаях советская агитационно-пропагандистская машина работала на «полные обороты» с огромной эффективностью. Не случайно своё впечатление от писательского съезда М.М. Пришвин выразил такими словами: «Съезд похож на огромный завод, на котором загадано создать в литературе советского героя (Завод советских героев)»³⁰.

Фильм «Чапаев» режиссёров Васильевых, совершивший триумфальное шествие по экранам страны осенью 1934 г., внёс в реабилитацию сингулярного героя в СССР не меньший вклад, чем челюскинская эпопея. Фильм был принят с восторгом не только широкой публикой, но вождями СССР. К концу ноября 1934 г. Сталин посмотрел «Чапаева» 11 раз, по образцу «Чапаева» были сняты фильмы, прославлявшие «отдельных» героев Гражданской войны, в первую очередь «Щорс» (1939), который заказывался Сталиным как украинский «Чапаев». Насколько важным было талантливое изображение героя-индивида кинематографистами, наглядно демонстрирует обсуждение фильма с участием режиссёров, артистов, писателей и военных деятелей, которое состоялось в Москве 29 ноября 1934 г. Практически все выступающие в той или иной мере конфронтировали с дилеммой массовый герой – индивидуальный герой. Глава Осоавиахима Р.П. Эйдеман сделал важный вывод о том, что «Бр[атя] Васильевы и артистический коллектив прекрасно решили проблему героя и масс. Когда они работали над этим фильмом, я опасался, не собьются ли они на путь показа одного героя Чапаева как героя гражданской войны. Но они эту задачу взаимодействия героя и массы решили поразительно верно и метко». Чапаев-герой черпал свою силу, как Антей из земли, «из тех живых людей, из той массы, которая живет и борется под его руководством». В заключение Эйдеман повторился, подчеркнув, что фильм «изумительно прекрасно» решил «задачу взаимодействия героя, руководителя, вождя и масс»³¹.

Точку в окончательной трансформации концепта массового героя в сингулярного героя поставила публикация в прессе 27 января 1936 г. «Замечаний Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспекта учебника по «Истории СССР»» и сообщения «В Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП(б)», в которых резкой критике был подвергнут «вульгарно-социологический подход» к истории. М.М. Пришвин записал в дневнике: «Исторический

³⁰ Пришвин М.М. Дневники. 1932–1935. СПб., 2009. С. 464.

Prishvin M.M., *Dnevniky. 1932–1935*, SPb., 2009, S. 464.

³¹ Гончаренко А.А., *Московская Д.С.* Указ. соч. С. 196–197.

Goncharenko A.A., *Moskovskaya D.S.*, *Op. cit.*, S. 196–197.

день. Амнистия исторической личности... Это значит, конец тому партийному аскетизму...»³². Амнистия исторической личности широко открывала ворота для триумфального шествия советского сингулярного героя в годы второй и третьей пятилеток. Именно тогда сформировался архетип советского героя, тогда же были заданы эталонные образцы героического поведения. Катриона Келли пишет об этом так: «Создается целая индустрия по производству героев. Описание их подвигов вовсе не предполагало правдивого отображения действительности: подобно святым из легенд, распространявшихся католической церковью в средние века, эти герои должны были вызывать чувство восхищения, внушать благоговение перед их безоговорочной преданностью идеалам»³³.

После 1935 г. уже никто из современников не сомневался в том, что герой-коллектив уступил первенство герою-индивиду. В стране всеобщего равенства шла быстрая иерархизация социума, происходило формирование элитарных групп со своими привилегиями и особыми правами, государственные награды занимали в этом процессе значимое место. Вслед за властью граждане страны Советов быстро избавились в 1930-е гг. от «коллективистского» отношения к героизму, активно добиваясь индивидуальных наградений.

Список литературы:

1. *Бранденбергер Д.* Кризис сталинского агитпропа. Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М., 2017.
2. *Быков Д.* Маяковский: Трагедия-буфф в шести действиях. М.: Молодая гвардия, 2016.
3. *Гончаренко А.А., Московская Д.С.* Стенограмма обсуждения фильма «Чапаев» во Всероссийском драматическом театре // *Историография Гражданской войны в России. Исследования и публикация архивных материалов / под ред. Д.С. Московской.* М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 174–213.
4. *Закружная З.С., Московская Д.С.* К вопросу о показе героя гражданской войны. Стенограмма доклада Л.М. Субоцкого на втором расширенном пленуме ЛОКАФ // *Историография Гражданской войны в России. Исследования и публикация архивных материалов / под ред. Д.С. Московской.* М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 161–173.
5. *Катцер Н.* Лошади и всадники: о животных и людях в «войне машин» XX века // *Личность, общество, власть в истории России: сборник научных статей, посвященный 70-летию д-ра ист. наук, проф. В.И. Шишкина / отв. редакторы В. М. Рынков и др.* Новосибирск: Издательство СО РАН, 2018. С. 135–150.
6. *Келли К.* Товарищ Павлик. Взлет и падение советского мальчика-героя. М.: НЛО, 2009.

³² *Пришвин М.М.* Дневники. 1936–1937. СПб., 2010. С. 14–15.
Prishvin M.M., *Dnevniky. 1936–1937*, SPb., 2010, S. 14–15.

³³ *Келли К.* Товарищ Павлик. Взлёт и падение советского мальчика-героя. М., 2009. С. 17.
Kelli K., *Tovarishch Pavlik. Vzlyot i padenie sovetskogo mal'chika-geroya*, M., 2009, S. 17.

7. *Малышева С.Ю.* «Хорошая смерть» в некрологическом дискурсе первых советских десятилетий // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований. / Под редакцией Л.Н. Мазур. Екатеринбург: издательство Уральского университета, 2017. С. 103–110.
8. *Malysheva S.* Helden oder Blutopfer: Der Umgang der Zeitgenossen mit den Gefallenen des Ersten Weltkriegs in Russland // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge, Bd. 63, H. 4, S. 599–618.
9. *Merridale C.* Steinerne Nächte. Leiden und Sterben in Russland. München, 2001.

Об авторе

САВИН Андрей Иванович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН (Новосибирск, Россия), e-mail: a_savin_2004@mail.ru

HEROISM AS AN IDEOLOGICAL CONCEPT OF STALIN'S ERA

A. I. Savin

The Institute of History, SB RAS,
Novosibirsk, Russia

The article focuses on the origins of ideological concept of soviet heroism during 1910-1930s. Basing on the variety of literature data and archival sources, the article demonstrates how Bolsheviks have transformed one of the key statements of Marxism – that the only truly important actors and heroes of history are the masses. Pragmatic consequences of Civil War victory forced Bolsheviks to partially reconsider Marxist views on the role of heroic personality in history, and they started to gradually individualize the heroes. The first step was forming the cult, dedicated to Fallen Heroes. Individualization of soviet heroes during the Civil War logically resulted in the creation of first institutionalized heroes: recipients of the Order of the Red Banner. During NEP the concept of individual heroes began to change. During 1920s, egalitarian ideas once again began to triumph heroization of individual people. In full accordance with Marxist dogma, whole labor collectives were nominated as heroes. Transition from dogmatic Marxist understanding of heroism to innovative, for Bolsheviks, understanding of key role of distinct heroes finalized during 1930s, because of the necessity in heroes, who would personally embody social construction, while being absolutely necessary for emulation and the emergence of soviet identity.

Keywords: *Heroism, ideology, Marxism, heroic masses, individual hero, Soviet Union, Stalin.*

About the author:

SAVIN Andrey Ivanovich – PhD in Historical Sciences, Senior researcher in Institute of History SB RAS (Novosibirsk, Russia), e-mail: a_savin_2004@mail.ru

References:

- Brandenberger D., *Krizis stalinskogo agitpropa. Propaganda, politprosveshhenie i terror v SSSR, 1927–1941*, M., 2017.
- Bykov D. *Majakovskij: Tragedija-buff v shesti dejstvijah*, M., Molodaja gvardija, 2016.
- Goncharenko A.A., Moskovskaja D.S., *Stenogramma obsuzhdenija fil'ma «Chapaev» vo Vserosskomdrame*, Istoriografija Grazhdanskoj vojny v Rossii. Issledovanija i publikacija arhivnyh materialov, Pod red. D.S. Moskovskoj, M., IMLI RAN, 2018, S. 174–213.
- Zakruzhnaja Z.S. Moskovskaja D.S., *K voprosu o pokaze geroja grazhdanskoj vojny. Stenogramma doklada L.M. Subockogo na vtorom rasshirennom plenumе LOKAF*, Istoriografija Grazhdanskoj vojny v Rossii. Issledovanija i publikacija arhivnyh materialov, Pod red. D.S. Moskovskoj, M., IMLI RAN, 2018, S. 161–173.
- Katcer N., *Loshadi i vsadniki: o zhivotnyh i ljudjah v «vojne mashin» XX veka, Lichnost', obshhestvo vlast' v istorii Rossii: sbornik nauchnyh statej, posvjashhennyj 70-letiju d-ra ist. nauk, prof. V.I. Shishkina / otv. redakto-ry V. M. Rynkov, A. I. Savin*, Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2018, S. 135–150.
- Kelli K., *Tovarishh Pavlik. Vzlet i padenie sovetskogo mal'chika-geroja*, M., NLO, 2009. 312 s.
- Malysheva S.Ju., *«Horoshaja smert'» v nekrologicheskom diskurse pervyh so- vetskikh desjatiletij, Jepoha socialisticheskoj rekonstrukcii: idei, mify i pro- grammy social'nyh preobrazovanij*, Pod redakciej L.N. Mazur, Ekaterin- burg: izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2017, S. 103–110.

Статья поступила в редакцию 30.08.2020 г.